

Борис Орлов

Европейские ценности в контексте глобальных процессов

Взгляд из России

Когда мы затрагиваем столь актуальную по нынешним временам тему, как европейские ценности, нам необходимо в первую очередь уточнить для себя, о каких европейских ценностях вообще идет речь. Для человека, выросшего в России, европеец – это, прежде всего, гражданин, живущий в условиях свободы и демократии. Это человек, который, с одной стороны, руководствуется рациональным подходом к решению проблем, и вместе с тем основой его духовной жизни является гуманизм. Точно так же европеец – это человек, который в своей ипостаси свободного индивида не забывает о социальной стороне жизни. Свобода, рационализм, гуманизм, социальность – вот лично для меня, родившегося и сформировавшегося в России, именно так предстают европейские ценности в их тесной взаимосвязи.

У европейцев долгая и сложная история, в ходе которой формировались эти ценности. В этой истории было всякое. И торжество античного искусства с его эстетическим возвышением человека, и костры Инквизиции. И музыкальный гений Баха, Бетховена, Шопена, и фабрики по массовому уничтожению людей. Но пройдя через все это, европейцы подарили себе и остальному миру механизмы разделения властей, позволившие создать дееспособные институты демократии и, следовательно, держать под контролем общества деятельность избираемых и назначаемых должностных лиц на разных уровнях. Другим таким достижением, на мой взгляд, является социальное государство, позволяющее смягчать социальные контрасты, возникающие в процессе рыночных отношений, и тем самым устанавливать в обществе исходные условия цивилизованной жизни.

Немецкий мыслитель Освальд Шпенглер в своем труде, вышедшем в 1918 году, предрекал “закат Европы”¹. И первая половина XX века как бы подтверждала это пророчество. Две мировые войны,

становление тоталитарных режимов, и прежде всего в Германии и Советском Союзе, Холокост и ГУЛАГ – было от чего впасть в отчаяние, утратить веру в созидательные и гуманистические потенции европейского социума. Но вот проходит вторая половина XX века, и мы видим уже другую Европу – Европу, оказавшуюся способной выстраивать механизмы сотрудничества, взаимодействия и прийти к новому типу взаимоотношений в лице Европейского союза.

При этом является удивительным тот факт, что вот уже полвека европейские страны не воюют друг с другом и, прежде всего, сложились новые отношения между традиционными и, казалось, непримиримыми противниками – немцами и французами. Все более доверительными становятся отношения между немцами и поляками.

С моей точки зрения, свершилось еще одно исторически важное событие: русский человек, особенно это касается молодого поколения, перестал испытывать чувство вражды, недоверия, страха по отношению к немцам. А ведь такое подспудное ожидание возможной агрессии со стороны Германии проходит через столетия российской истории.

Одним словом, “заката Европы” не произошло. Рухнули всевозможные “железные занавесы” и “стенки”, между европейскими народами возникли принципиально новые отношения. Казалось бы, на наших глазах претворяется в жизнь призыв Шиллера: “Обнимитесь, миллионы!” Но осознавая это и отдавая должное этому как важным историческим сдвигам, ловишь себя на мысли, что в душе в этой связи нет ощущения какой-то радости, удовлетворения.

Откуда эта неудовлетворенность и даже тревога? Мое личное объяснение таково. Прошло время, когда Европа распространяла свое влияние по всему миру, расселяясь на других континентах, прежде всего в Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии, но также устанавливая колониальные режимы в Азии, Африке, Латинской Америке. Теперь Европа – это, образно говоря, остров, окруженный нестабильным миром со всеми его проблемами. И европейцы отдают себе отчет в том, что отгородиться от этого

остального мира невозможно. Это, прежде всего, касается эмиграционного потока, который европейцы пытаются как-то регулировать, но с переменным успехом. Людей не только с другим цветом кожи и другим разрезом глаз, но и с другой ментальностью, а следовательно, с другими ценностными установками на Европейском континенте становится все больше. Пытаясь учитывать это обстоятельство, в Европе, и прежде всего в Германии, выдвинут тезис “многокультурности”. Предполагается, что представители разных культур, разных ценностных установок смогут жить друг с другом в согласии, взаимно обогащая друг друга соответствующим культурным опытом.

Но на практике этот процесс проходит туго, с большими осложнениями. И чтобы убедиться в этом, нет необходимости обращаться к каким-либо статистическим данным в этой области. Сошлюсь на собственные наблюдения. Так получилось, что вот уже более двадцати лет я имел возможность регулярно приезжать в Кёльн и посещать находившийся там Институт восточноевропейских исследований. Неподалеку от института расположен квартал, где проживают преимущественно турки, приехавшие в свое время в ФРГ. И вот, приезжая в Кёльн и посещая этот квартал, я убеждался с каждым годом в том, что квартал этот разрастается и живет своей как бы изолированной жизнью. Все те же платки на головах женщин и длинные до пят плащи, уродующие фигуру, турецкая речь. Я ни разу не видел здесь идущих рядом, а тем более в обнимку, немецкого юношу и турецкую девушку. И вообще, было такое ощущение, что попал в маленькую Турцию.

Примечательно, что немцы, с которыми я говорил о своих наблюдениях, реагировали на это совершенно спокойно, рассматривая происходящее как нечто нормальное. Меня же, прочитавшего в свое время работу американца Сэмюэля Хантингтона “Столкновение цивилизаций”², это обстоятельство интересовало с точки зрения проверки утверждения американского ученого на конкретном примере германского города Кёльна и проживающих в нем лиц турецкой национальности. Я не обнаружил здесь “столкновения цивилизаций”, а точнее,

столкновения разных ценностных установок. Однако выступления правых радикалов в других городах Германии против иностранцев показывали, что концепция “многокультурности” реализуется в этой стране с большими сложностями. Впрочем, как и в других европейских странах, и прежде всего во Франции, о чем свидетельствует движение правых радикалов во главе с их лидером Ле Пенем.

Между тем, сам факт появления концепции “многокультурности” свидетельствует о существовании еще одной европейской ценности – терпимости к другим взглядам, к другим культурам. В свое время, еще будучи студентом в тогдашнем Советском Союзе – а это было в самом конце 40-х годов, еще при жизни Сталина, – я удивлялся, к примеру, такому факту: Карл Маркс спокойно писал свой труд “Капитал” в Британской библиотеке в Лондоне, и никто ему в этом не мешал. А ведь это был, по словам того же Маркса, “самый большой снаряд в голову буржуазии”, то есть того общественного строя в Англии, основанного на рыночных отношениях, который и приютил его. Или другой пример. Молодой Ульянов-Ленин пишет свои революционные работы в швейцарском городе Цюрихе, выступает с докладами на встречах с эмигрантами, покинувшими Россию, в которых доказывает неизбежность крушения буржуазного, капиталистического строя с его банковской системой, воплощением которой и был сам Цюрих. И опять та же самая терпимость.

Так что концепция “многокультурности” как бы продолжает традицию этой самой европейской терпимости. Но всему есть пределы, есть границы. И они достаточно четко были обозначены событиями 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. В отличие от американцев, только тогда ощутивших на себе, что такое терроризм, европейцами в борьбе с терроризмом накоплен опыт, в том числе и в Германии, если вспомнить, как была пресечена деятельность группировки “Фракция Красной Армии”. Но этот терроризм, точно так же как и деятельность “Красных бригад” в Италии, был идеологически мотивирован стремлением утвердить свое представление о социальной справедливости, берущей свое происхождение в ценностных установках европейского гуманизма.

За событиями 11 сентября стоит группировка бен Ладена с его фундаменталистской трактовкой ислама. И как показала последующая реакция в исламском мире, осуждение этого фундаментализма в авторитетных религиозных кругах ислама либо вообще отсутствовало, либо было весьма сдержанным. А простой народ на улицах в открытую ликовал.

Но ведь именно такой религиозный фундаментализм и порождает почву для насильственных, террористических действий в любой точке земного шара, будь то Индонезия или Ближний Восток. А теперь вот и в России, о чем свидетельствовали трагические события в Москве, связанные с захватом чеченскими террористами Театра на Дубровке в конце октября 2002 года.

Будем во всем этом разбираться по порядку. И прежде всего хотел бы высказать свое отношение к позиции европейцев в израильско-палестинском конфликте. У меня сложилось впечатление, что европейцы, и прежде всего европейские СМИ, в этом драматическом конфликте оказывали предпочтительную поддержку палестинской стороне. Да и общественность была настроена пропалестински. И в самом деле, когда с экрана телевизора изо дня в день показывают беззащитных мальчишек, бросающих камни в израильские танки, разрушенные бомбежками дома, нищие кварталы и бедных женщин с младенцами на руках, как не встать на сторону этого народа, который уже какое десятилетие живет в кошмарных условиях. Но лично меня удивляло то обстоятельство, что действия палестинских террористов на территории Израиля, в ходе которых погибали молодые люди, не имеющие никакого отношения ни к политике, ни к военным делам, подавались в тех же СМИ крайне скупно. Если уж быть гуманистом, то объективным, не пригоже смотреть только в одну сторону!

В этом же ряду стоит отношение части европейской общественности к высказываниям Орианы Фаллачи и к ее книге “Гнев и гордость”³. На моей памяти свежи беседы выдающейся итальянской журналистки (я этот эпитет употребляю крайне редко), в ходе которых она своими вопросами с железной последовательностью вынуждала интервьюируемых ею политиков

раскрывать, по существу, преступный характер их взглядов и намерений. Именно в таком виде представляли перед читателями после этих бесед и ливийский диктатор Каддафи, и лидер португальских коммунистов Куньял. Фаллачи, что называется, нутром чувствует фундаменталистскую натуру политиков, прикрывающих ее порой цивилизованными фразами. То же самое она почувствовала и в беседе с Арафатом. В человеке, для которого главное – не благо своего народа, процветающего в мирных условиях, а преследование все той же сверхзадачи, которая коренится в подкорке сознания многих арабских политиков, – “сбросить этих проклятых евреев в море”. Именно на это обстоятельство обращает внимание Фаллачи. Напрасно ее иные европейские политики и общественные деятели обвиняют в исламофобии. Не ислам для нее представляет угрозу для европейской и общемировой цивилизации, но его крайнее фундаменталистское толкование.

Я обращаю внимание на эту проблему с одной целью: как соотносить европейские ценности, и следовательно, христианские, с ценностями ислама, и прежде всего в практической жизни европейских стран. Я не раз убеждался в том, что ссылки на “политкорректность” освобождали моих собеседников от необходимости разбираться в сути проблемы. Но она стоит на повестке дня, и решать ее надо основательно, с глубоким пониманием всех ее сторон.

То, что эта проблема чрезвычайно актуальна и вместе с тем чрезвычайно важна, подтверждают суждения специалиста в данной области. Трудности “стыковки” ислама и христианства описывает Райнер Глагов в берлинской газете “Тагесшпигель”. Он, в частности, отмечает: “Одна из важнейших проблем, которую так и не смогла удовлетворительно разрешить начавшаяся в XIX веке реформа ислама, связана с проповедуемым исламом единством религии, права, государства и политики”⁴. Еще одна трудность: “В отличие от Библии христиан, каждое ”слово Аллаха“ является имманентным, вечным, обязательным, не допускающим толкований” (там же).

Глагов подчеркивает: На различных этапах этой религии исламские ортодоксы могли, ссылаясь на строжайшее доктринерское отношение к священным книгам и законам, душировать свободу мнений и свободу слова в мусульманском мире. Так, в IX веке они уничтожили мутализм – рационалистическое религиозно-философское направление в исламской теологии. В XII–XIII веках преследовались как еретики великие философы, исповедовавшие учение Аристотеля, а их труды предавались проклятию. “Таким образом, – приходит к выводу Р.Глагов, – догматики сами положили начало закату и декадансу высочайших проявлений культуры в средние века. Современному исламу так никогда и не удалось достичь вершин той эпохи. Так что приходится констатировать: безжалостное следование нетрансформируемым фундаментальным принципам этой религии привело к разрушению собственной культуры” (там же).

И относительно сегодняшних крайних сторонников ислама. “Исламские фундаменталисты – это верующие ортодоксы, которые, отталкиваясь от традиционного единства религии и политики в исламе, создают тоталитарную идеологию” (там же).

Р.Глагов обращает внимание на опасность упрощенно-терпимого подхода к проблеме. Когда немецкие партнеры, желая подчеркнуть свою готовность к миру, еще и дают понять, что их христианские догматы для них ничего не значат, то в таком случае верующие мусульмане еще более укрепляются в превосходстве своей религии. “В подобном контексте можно даже не мечтать о плодотворном диалоге с исламским фундаментализмом” (там же). Точно так же замечу от себя: бессмысленно было вести плодотворный диалог со сталинским большевизмом.

В этой связи – еще одна проблема, тоже связанная с европейскими ценностными подходами – отношения Европы и Соединенных Штатов. Ведь в Соединенных Штатах доминируют те же самые первоначальные европейские ценности, которые, приехав на новый континент, жители Старого Света приспособили к новым условиям жизни. В конечном счете сформировалось – особенно во второй половине XX века – то, что называют обобщенно западными ценностями. Хотя сегодня это понятие нуждается в корректировке,

ибо такие же ценности, в основе которых демократия и права человека, начинают утверждаться и в других частях света, хотя бы в той же Японии, в Южной Корее, на Тайване. Это уже скорее общемировые ценности, закрепленные в документах Организации Объединенных Наций.

Как известно, американцы помогли европейцам освободиться от кошмара гитлеровского тоталитаризма. Затем вместе с американцами европейцы противостояли натиску большевистского тоталитаризма. После того как “железный занавес” рухнул, и прежде всего по инициативе уже нового руководства КПСС во главе с Михаилом Горбачевым, опасность тоталитаризма сошла с повестки дня. И тем самым отпала необходимость в сохранении тесной связки американцев и европейцев в борьбе против общего противника – идеологического и военного.

Еще один новый момент: после исчезновения блокового противостояния в мире возникла новая политическая конфигурация, когда во главе мирового сообщества стоит одна держава с соответствующей военной, экономической и технологической мощью – Соединенные Штаты. Своеобразие политики нового единоличного лидера заключается в том, что он пытается сохранить и распространение демократических ценностей в мире сочетать со своими национальными интересами, которые зачастую находятся в противоречии или в несоответствии с интересами мирового сообщества в целом. Это проявилось, к примеру, в отказе подписать Киотское соглашение, предусматривающее квотный по странам выброс углекислого газа в атмосферу. Такая позиция не могла найти положительного отклика у европейцев, с возрастающим вниманием относящихся к проблемам экологии. Противоречивую реакцию вызвала у европейской общественности совместная с США акция в рамках НАТО против режима Милошевича. Серия бомбардировок, в результате которых были разрушены мосты, гражданские здания, погибли люди, не могла не вызвать чувство горечи и сожаления у европейцев, не склонных к столь прямолинейным поступкам.

И самый последний пример: намерение руководства США покончить военными действиями с режимом диктатора Саддама

Хусейна в Ираке. Европейцы в основном против, в том числе и Германия, от имени которой канцлер Герхард Шредер публично охарактеризовал намечаемые действия как ошибочные.

Во всей этой истории меня интересует существенный вопрос – что будет в результате с европейскими ценностями, как они в новой ситуации будут взаимодействовать с американскими ценностями и как все это в целом повлияет на сохранение того, что я называю “общедемократическим пространством человечества”, этим главным завоеванием в его долгой истории. Не произойдет ли расщепление этого пространства перед лицом нарастающего влияния ислама в его фундаменталистском варианте?

Эти проблемы еще более осложнились после трагедии в Театре на Дубровке в конце октября 2002 года. Захватив здание театра, чеченские террористы угрожали взорвать вместе с собой, по разным данным, около тысячи заложников. Осмысливая происходящее в Москве, европейские политики отдавали себе отчет в том, что налицо крупномасштабная террористическая акция, поддерживаемая, судя по всему, политическими и религиозными кругами фундаменталистского толка. Но вместе с тем они не могли игнорировать то обстоятельство, что действия молодых террористов и террористок, готовых пожертвовать собой, обусловлены военными действиями, которые какой год ведутся в Чечне и от которых страдает, главным образом, мирное население, а некогда цветущая столица Чечни город Грозный превращена в руины. Преобладающее большинство европейских политиков выход видит в конструктивных переговорах, полагая, что нельзя все сводить только к действиям международного терроризма. Эта точка зрения не совпадает с позицией руководства России, настаивающего на продолжении решительных военных действий.

Вот, на мой взгляд, главные проблемы, которые стоят перед европейцами, озабоченными сохранением своих ценностей.

Рассуждая о судьбе европейских ценностей в глобальном мире, вполне логично рассмотреть вопрос – а каковы ценностные ориентации современной России? О принадлежности России к Европе сказано и написано достаточно много, и нет смысла повторяться. Еще в конце XVIII века Екатерина II предельно четко

сформулировала позицию: “Россия есть европейская держава”. Но на культурно-духовном уровне такая принадлежность может определяться в первую очередь именно созвучием ценностей. Совпадают ли они, в чем и в какой степени?

Давать ответы сегодня на эти вопросы чрезвычайно трудно. И прежде всего по той причине, что Россия находится в переходном периоде: от закрытого тоталитарного общества к открытому, демократическому. От планово-распределительной экономики к экономике рыночной. Этот переход происходит в обществе, которое прожило в условиях тоталитарного режима самый длительный период – от 1917-го до 1991 года, когда распался Советский Союз и на его развалинах возникли новые государства, в том числе и Российская Федерация. Но это значит, что в этом режиме люди прожили тремя поколениями, передавая подрастающей молодежи привычки и ценности, сложившиеся в условиях тоталитаризма. И именно такому обществу с его грузом представлений, накопленных в тоталитарном режиме, приходится в исторически короткий срок – в какие-нибудь десять лет – перестраиваться на ходу, и прежде всего морально и психологически.

Как происходит такая перестройка? Можно ли подметить какие-либо складывающиеся тенденции, закономерности? Трудно. Ситуации порой возникают почти необъяснимые. Приведу конкретный пример. В Санкт-Петербурге был показан фильм “Триумф воли” о партийном съезде национал-социалистов в Нюрнберге. Уже сам факт такого показа у людей с развитой системой моральных ценностей вызывал недоумение. Речь шла об открытой пропаганде германского национал-социализма. И не где-нибудь, а в городе, который больше всего пострадал в годы войны с гитлеровским фашизмом. Ленинградская блокада, длившаяся более года и принесящая жившим в городе людям невыносимые страдания, стала одним из самых трагических эпизодов периода Второй мировой войны. Но самое необъяснимое: после показа фильма на сцене появилась режиссер Лени Рифеншталь, и зал встретил ее восторженными аплодисментами. Чем были вызваны эти аплодисменты? Позднее приводились такие объяснения: была

отдана дань мастерству Рифеншталь как кинорежиссера, да еще с такой необычной биографией. Но ведь публика, сидевшая в зале, – кинокритики, постоянные любители кино, журналисты, – по всей видимости, причисляли себя к интеллигенции. А между тем, надо ли интеллигенту объяснять, что в искусстве отделять эстетику от нравственности – вещь сомнительная, тем более когда речь идет о сугубо пропагандистском фильме, ставящем перед собой задачу продемонстрировать мощь и величие национал-социализма.

Так почему же вели себя так петербургские интеллектуалы, причастные к киноискусству? Какими ценностями они при этом руководствовались? Мое личное объяснение: вырвавшись из мира запретов, существовавших в тоталитарном режиме, эти люди восприняли свободу как возможность воспринимать абсолютно все без моральных ограничений. Но это значит, что какой-то новой системы ценностей в условиях демократии у них не сложилось.

Это у людей, так сказать, образованных, которым не нужно объяснять, что такое нравственная ценность. А что говорить о так называемых “простых” людях, принадлежащих к самым разным возрастным и социальным группам? Обратимся к статистике, оговорившись при этом, что статистические данные не всегда бывают корректными и при этом быстро устаревают опять же по той причине, что общество находится в движении. Но в данном случае мы воспользуемся результатами масштабного исследования, которое проводило представительство Фонда Фр.Эберта в Москве, подключив к исследованию самых компетентных российских социологов и проведя опросы во всех регионах России на разных уровнях. Тема исследования – “10 лет российских реформ глазами россиян”⁵. В опубликованной брошюре с результатами опроса мы находим таблицу, которая и поможет нам определить шкалу ценностей россиян в определенной динамике (с. 33).

Для сравнения выбраны два года – 1998-й и 2001-й. В процентах дается степень предпочтения данной ценности респондентами. Так вот, на первое место опрошенные граждане России поставили “Равенство всех граждан перед законом”. И если в 1998 году таковых было 53,9%, то в 2001 году – 83,0%. На втором месте “Избрание президента непосредственно народом” (25,9 и 41,5%).

Далее я буду приводить ценности, в которых наблюдалась динамика нарастания. Ценность “Независимость суда” (41,7 и 46,4%). В нарастающей динамике и десятая ценность – “Участие граждан в референдумах по важнейшим для страны вопросам” (17,8 и 19,3%). И на тринадцатом месте ценность “Небольшая разница в уровне доходов людей” (7,6 и 20,3%).

Обобщив эти ценности, отмеченные ростом, мы можем прийти к выводу, что в совокупности они отражают сознание россиян, предпочитающих закон, материальное выравнивание и ориентацию на возможность прямого избрания действующей от имени всего общества личности – президента.

Теперь, в каких ценностях обнаружился спад? Это третья ценность – “Возможность свободно высказывать свои политические взгляды” (37,2 и 22,5%). Спад на одну треть! Это четвертая ценность – “Свободные выборы власти” (39,4 и 26,2%). Тоже спад на одну треть. Ценность “Свобода вероисповедания” (23,7 и 15,4%). Восьмая ценность – “Наличие частной собственности” (23,0 и 19,2%). Лишь на девятом месте оказалась ценность “Наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство” (20,6 и 17,7%). Снизилось в массовом сознании россиян значение и одиннадцатой ценности – “Свобода выезда за рубеж” (17,7 и 11,2%). И лишь на четырнадцатое место поставлена ценность “Свобода передвижения по стране” (16,8 и 6,9%). Почти без изменений осталось отношение к ценности “Участие рабочих в управлении предприятиями” (12,9 и 11,8%). И более чем в три раза сократилось и без того низкое отношение к семнадцатой ценности – “Право на забастовку” (11,9 и 3,1%). А возможность “Свободного членства в какой-то политической партии” вообще оказалась почти в самом низу таблицы (3,8 и 2,4%).

Приведенные в опросе данные дают пищу для размышлений. Один из тревожных выводов: число сторонников ценностей, более близких к общеевропейским, сокращается. Уж не означает ли это, что в своем глубинном основании российский материк как бы начинает потихоньку дрейфовать в сторону от Европы?

Тут напрашивается вопрос: а как же западно-ориентированная политика президента Путина? Ведь она была официально

неоднократно декларирована. И тут же другой в этой связи вопрос: если президент Путин поворачивает руль российского корабля в сторону Запада, и прежде всего в сторону Европы, а большинство публики на палубе корабля такого поворота в общем-то не хочет, как все это понять? Ведь та же публика Путина активно поддерживает, о чем свидетельствуют результаты рейтингов, держащихся вот уже много времени на высокой отметке (около 70%). Чем объяснить этот парадокс? Загадкой русской души? Никакой загадки нет. Российское общество столкнулось с первоначальным становлением многопартийной демократии и пришло к выводу, что проку от такой политической системы мало. И тут же дали о себе знать тенденции, уходящие в толщу многовековой истории страны. Нужен один начальник, держащий в строгости подчиненных, соблюдающий закон и придерживающийся справедливости. Путин, с точки зрения такой публики, как раз для этой роли и подходит. Он пытается возобновить величие и мощь России и весьма по-умному использует для этой цели контакты с Западом.

Такого откровенного признания в публичных выступлениях российских политиков почти не встретить. Но представления в этом направлении постепенно набирают силу. Результаты выше приведенного опроса красноречиво об этом свидетельствуют. Точно так же на вопрос “Отношение россиян к демократическим процедурам” в 1995 году высказались положительно 56,0% опрошенных, в 1997-м – 51,0%, а в 2001-м – 50,5% (с. 31).

И уж совсем свежий пример – отношение россиян к путчу 19–21 августа 1991 года, в ходе которого постсталинисты намеревались отстранить от власти президента СССР Михаила Горбачева. Авторитетная организация – Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – в результате проведенного опроса установила, что в полтора раза – с 14 до 21% – только за последний год возросло число россиян, считающих, что был прав центр путчистов ГКЧП. Ровно на столько же – с 24 до 17% – снизилась доля тех, кто уверен, что 19–21 августа были правы противники ГКЧП. Примечательно, что президент Путин 21 августа 2002 года никак публично не высказался об 11-летней

годовщине подавления путча ГКЧП. А ведь это одна из важнейших дат в истории становления российской демократии.

Парадоксальность нынешней ситуации в России заключается в том, что, с одной стороны, президент Путин активно способствует либерализации в области рыночных отношений (наглядные примеры – снижение налоговых ставок предпринимателям, введение частной собственности на землю, правда, с существенными ограничениями), и этот процесс способствует формированию социальных групп, заинтересованных в становлении в стране открытого демократического общества (за исключением той части отечественного предпринимательства, которая именно закрытость от внешней конкуренции считает условием своего успешного развития). А с другой стороны, власти не предпринимают никаких целенаправленных действий на внедрение и расширение демократических норм в обществе. Выстроенный каркас многопартийной системы центральное и местное чиновничество научилось использовать в своих целях, владея финансовыми ресурсами и коммуникативными средствами воздействия на население. В России в настоящее время сложилось то, что политологи называют “управляемой демократией”. Главная опасность при этом заключается в том, что основная масса населения отстранилась от этих псевдопартийных игр, рассматривая их как почти такую же формальность, как и выборы в Верховные и местные Советы в период тоталитарного режима. Отсюда удручающие результаты опросов. Известные в России социологи Игорь Клямкин и Татьяна Кутковец в ходе опроса, проведенного в июне 2002 года, установили, что 96% опрошиваемых считают, что в стране царит произвол властей. 80% опрошенных не представляют себе, какое именно государство создается сегодня в России, к какой цели страна движется⁷.

Так что проблема развития в ту или иную сторону различных ценностных ориентаций стоит сегодня в России как никогда остро. И это имеет самое прямое отношение к сдвигам в ценностных установках в Западной и Центральной Европе. Будут ли россияне и европейцы в дальнейшем разговаривать на языке одинаковых представлений о ценностных установках? С этим связана

морально-психологическая, а следовательно, и политическая стабильность Европейского континента в целом. Можно даже так сказать: чем больше в России будут чувствовать и мыслить по-европейски (при всей специфике российского менталитета), тем более уверенно будет воспринимать себя Европа в целом, в том числе в диалоге и с Соединенными Штатами. Не будем забывать: США исповедуют фактически те же ценности, но в силу сложившейся обстановки после прекращения “холодной войны” испытывают трудности обостренного мессианства. В свою очередь, развитие диалога с США и другими демократическими странами мира в Америке, Азии, Австралии позволяет создавать все более расширяющуюся зону демократических ценностей, вовлекая в нее новые страны.

На фоне существующих в мире проблем, часть из которых кажется практически неразрешимой (бедственное положение наиболее отсталых в экономическом плане стран), такой сценарий может показаться слишком оптимистичным. Но какова ему может быть предложена другая и, что существенно, действенная альтернатива? Рассматривать как неизбежность то самое “столкновение цивилизаций” с их разными ценностными установками, о чем писал американец С.Хантингтон? Ведь 11 сентября 2001 года может быть расценено не просто как наиболее разрушительная акция международного терроризма. За действиями бен Ладена и его сторонников просматриваются определенные ценностные мотивации. И это не просто неприятие американского образа жизни с его также и негативными проявлениями (к примеру, безудержная реклама, голливудские боевики), но и самой корневой установки на самоценность человеческой личности, что и лежит в основе западной, в том числе европейской, цивилизации. Борясь против террористической сети бен Ладена и его сторонников, не следует упускать из виду, так сказать, мотивационную составляющую терроризма, которая и подвигает людей совершать террористические акты, жертвуя собственной жизнью. Здесь свое слово должны сказать представители разных мировых религий.

В этой связи мне приходят на память размышления теоретика германской социал-демократии (одного из творцов Годесбергской

программы 1959 г.) Вилли Айхлера, который, обнаруживая схожесть основных ценностных установок в мировых религиях, пришел к выводу о возможности сближения этих религий. Такой процесс он назвал “этической революцией”. В.Айхлер не только размышлял, но и действовал. Именно по его инициативе в японской столице Токио в октябре 1968 года состоялась конференция на тему: “Этические и социальные требования мировых религий к современному обществу”. На конференцию приехали представители девяти стран Азии, из США, ФРГ. Среди участников конференции были буддисты, мусульмане, индуисты, христиане (католики и протестанты), а также люди, не исповедующие никакой религии. Участники конференции приняли решение: с помощью анкеты, которую еще предстояло разработать, оказать воздействие на различные религиозные общины, чтобы побудить их сформировать содержащиеся в их мировоззрениях этические и социальные требования к современному обществу и к поведению его членов⁸ (с. 220).

Инициатива В.Айхлера не получила дальнейшего развития. Но сам факт встречи представителей различных религий и обсуждения ими проблем, вытекающих из их мировоззренческих и, следовательно, ценностных установок, заслуживает внимания. Новая ситуация, складывающаяся в мире, как мне представляется, ставит представителей мировых религий перед принципиально новыми задачами, которые отныне можно рассматривать только в глобальном контексте. Вопрос в том, готовы ли представители церкви обсуждать эти новые вопросы, а не сосредоточиваться на так называемых проблемах “прозелитизма”, как это делают иные представители Русской православной церкви?

Но пока идет спор представителей ценностных установок и, соответственно, религий, переходящий в военные столкновения или террористические акты, в той же Европе появляются новые проекты, носящие как бы надценностный, внечеловеческий характер. Вот один из примеров. Писатель Йенс Йолер вместе с профессором педагогики Олафом-Акселем Буров опубликовал в издательстве “Ойропа-Ферлаг” своего рода “биологический триллер” под названием “Божественный мозг”. В нем

предусмотрен сценарий не только технической, но и социальной ликвидации человека. Этот текст, помимо прочего, был опубликован во влиятельной газете “Франкфуртер альгемайне цайтунг”. По сравнению с ним пророчества Освальда Шпенглера в его книге “Закат Европы” – детские шалости.

Вот аргументация авторов вкратце: “Эволюция почувствовала, что человек способен только разрушать и что настало время возложить бремя ответственности за Землю на другой, более интеллигентный вид”⁹ (с. 48). Одно из объяснений: “закрепленный в неокортексе мыслительный аппарат человека производит технические знания, с которыми архаический ствол мозга не справляется” (там же). Но о каком более интеллектуальном виде идет речь? Из текста следует, что он появится как результат биологических экспериментов, и прежде всего клонирования. В ходе такого предполагаемого клонирования появляется ребенок с дополнительной хромосомой, которая способна в два раза повысить его интеллигентность. Как результат, в предполагаемом недалеком будущем все больше богатых семей станет облагораживать таким способом свое потомство. В результате на Земле станет все больше появляться людей с обогащенным генным набором.

Этот текст написан в виде выступления в германском бундестаге предположительно через пятьдесят лет. “Пятьдесят лет продолжается эта эра вечного мира. Земля расцветает и оживает под нашим руководством! Однако теперь из-за ошибки природы, из-за несчастливой мутации появляется все больше людей, которые восстают против нас и борются против того, чтобы мы вершили судьбы этой Земли. Эти люди требуют демократии, как будто мы не установили лучшую из форм демократии по примеру античного полюса” (там же, с. 50).

Приводятся результаты предполагаемого голосования в бундестаге, где все депутаты высказываются за новое решение. Какое же? Естественное продолжение человеческого рода будет прекращено. Через несколько минут во все источники питьевой воды на планете будет добавлено соответствующее вещество. Люди не почувствуют его вкуса, а когда они заметят его воздействие, то будет уже поздно. *Homo sapiens* изжил себя” (там же).

Из текста как бы вырисовываются контуры некоей “генной демократии”, или “клоновой демократии”, к которой приобщаются лишь те, кто имел возможность в соответствии со своим финансовым обеспечением “подзарядиться” обогащенными генами. Судьба остальных – пить отравленную воду.

То, что такой сюжет возник и опубликован в Европе, – свидетельство все той же проблемы: разрыв между этикой и технологическими возможностями, которыми в данном конкретном случае могут пользоваться лица с повышенным материальным статусом. На фоне конференции в Йоханнесбурге (осень 2002 г.), где представители человечества ломали голову над тем, как вывести из крайней нужды целые страны и народы, подобный сценарий может выглядеть как провокация, как насмешка над участью сотен миллионов людей. Но в то же время и как предупреждение о возможном варианте развития. И здесь тоже придется искать соответствующие ответы. Прежде всего европейцам, которые, в соответствии со своими ценностями, рассматривают экономические, социальные, технологические и духовные аспекты жизни в их тесной взаимосвязи. Мне приходилось встречать сценарии будущего Европы, где ей предназначалась судьба музея, картинной галереи. От музеев и от картин отказываться не стоит. Но все же главное предназначение Европы: один из главных интеллектуальных центров человечества, руководствующийся исходными нравственными установками.

1. Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 1. Гештальт и действительность; т. 2. Всемирно-исторические перспективы.
2. Hantington S. The clash of the civilization.
3. Тумаркина Г. “Гнев и гордость” под судом. Ориану Фаллачи обвиняют в исламофобии // Московские новости, № 25, 2–8 июня 2002 г. С. 30.
4. Глагов Р. Сказочка о диалоге. Почему обособляются мусульмане в Германии // Kulturchronik, 2002, № 1, с. 23–26.
5. 10 лет российских реформ глазами россиян: Аналитический доклад (краткая версия). Подготовлен в сотрудничестве с

Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации. М.: 2002 г.

6. Дело ГКЧП живет и побеждает // Известия, 19 августа 2002 г. С. 11.
7. Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости, 2–8 июля 2002 г. С. 1, 9.
8. Айхлер Вилли. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. М.: Изд. ИВФ Антал, 1996.
9. Йенс Йолер: после гуманизма // Kulturchronik. Новости культуры из Федеративной Республики Германии. Бонн, 2002. № 2. С. 47–50.

Опубликовано в журнале:

«Вестник Европы» 2002, №7-8